

Клочков Виктор Викторович**Klochkov Viktor Viktorovich**

кандидат исторических наук,
доцент кафедры основ правоведения
Донского государственного
технического университета,
заведующий кафедрой теории права
Института управления в экономических,
экологических и социальных системах
Южного федерального университета

PhD in History,
Associate Professor,
Fundamentals of Legal Science Department,
Don State Technical University,
Head of the Theory of Law Department,
Institute of Management in Economic,
Ecological and Social Systems,
Southern Federal University

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ
ОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХИИ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПРОЦЕСС
ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ
НА ПРОТЯЖЕНИИ «ДОЛГОГО XVIII В.»:
ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ**

**THE POLITICAL REGIME OF
THE LIMITED MONARCHY IN GREAT
BRITAIN AND ITS TRANSFORMATION
OVER THE “LONG 18TH CENTURY”:
CONTEMPORARY
HISTORICAL ASSESSMENTS**

Аннотация:

В статье рассматриваются процессы трансформации конституционного устройства и политического режима Великобритании на протяжении «долгого XVIII в.». Исследуется разнообразие современных исследовательских подходов к указанной проблеме в отечественной и зарубежной историографии. Анализируются особенности концептуализации конституционного устройства и политического режима ограниченной монархии в Великобритании на историческом отрезке от Славной революции 1688 г. до первой трети XIX в. в оценках современной историографии. Эволюция политического режима Великобритании «долгого XVIII в.» рассматривается как процесс трансформации прерогативных ограничений, характерных для монархии поздних Стюартов, в конституционные механизмы современного типа, связанные с возросшей ролью парламента и постепенным переходом большинства прерогативных полномочий короны в руки кабинета министров. Исходя из современных историографических концепций обосновывается предположение о том, что в результате событий 1688 г. возникла не конституционная монархия современного типа, и не «парламентская монархия», как это представляли себе историки традиционного вигского направления, но лишь новая форма ограниченной монархии.

Ключевые слова:

Великобритания «долгого XVIII в.», Славная революция 1688 г., конституционное и политическое устройство, британская монархия в XVIII в., политический режим, абсолютная монархия, ограниченная монархия, конституционная монархия, современная британская историография «долгого XVIII в.», английское общее право, королевская прерогатива, «конституционная революция» первой трети XIX в.

Summary:

This study discusses the transformation processes of the constitutional structure and political regime in Great Britain over the “long 18th century”. The diversified modern approaches to the topic issue are considered in the Russian and international historiography. The peculiarities of conceptualization of constitutional structure and political regime of the limited monarchy in Great Britain from the Glorious Revolution of 1688 to the first third of the 19th century are analyzed in contemporary historiographical views. The evolution of the political regime of Great Britain throughout the “long 18th century” is treated as a transformation of the prerogative limitations of the late Stuart monarchy into the modern constitutional mechanisms related to the extended role of parliament and the gradual transfer of the royal prerogative to the cabinet ministers. Based on contemporary historiographical reviews, the author assumed that the events of 1688 resulted in a new form of limited monarchy rather than contemporary constitutional monarchy or “parliamentary monarchy” according to Whig-adherent historians.

Keywords:

Great Britain of the “long 18th century”, Glorious Revolution of 1688, constitutional and political structure, British monarchy in the 18th century, political regime, absolute monarchy, limited monarchy, constitutional monarchy, contemporary British historiography of the “long 18th century”, English common law, royal prerogative, Constitutional Revolution of the first third of the 19th century.

В истории английских политических институтов период конца XVII – первой трети XIX в. занимает совершенно особое место. Потрясения середины XVII в. сменились достаточно спокойной политической эволюцией. Основным ее направлением стала постепенная трансформация институтов «старого порядка» в конституционные механизмы современного типа. Однако, несмотря на достаточную изученность периода в целом, среди исследователей нет единства в отношении характера и направленности политических изменений, происходивших в этот период. Осторожное отношение к оценке результатов трансформации конституционного устройства Великобритании «долгого XVIII в.», преобладающее в британской историографии с середины 1980-х гг., привело к

новому пониманию английского варианта «старого порядка», господствовавшего на протяжении «долгого XVIII в.».

Отчасти подобное положение вещей объясняется тем, что, описывая «старый порядок» в Англии XVIII в., современные исследователи делают акцент на исследовании комплекса факторов, благодаря которым было обеспечено преемственное и поступательное развитие конституционного устройства страны в этот период. Однако при этом зачастую остаются без внимания вопросы, связанные с тем, каким был общий смысл английского варианта «старого порядка».

В современной отечественной историографии обычно подчеркивается, что уже в конце XVII в. в стране был установлен политический режим конституционной монархии. В этом случае политическая история Англии на протяжении «долгого XVIII в.» рассматривается как совокупность прецедентов, способствующих формированию современных конституционных способов взаимодействия монархии, парламента и кабинета министров. При этом приоритет в изучении отдается динамической составляющей процесса трансформации конституционного устройства страны и тем факторам, которые его обеспечивали [1, с. 40–41].

Сходные точки зрения распространены и в англоязычной историографии. В частности, современный американский историк права Г. Берман так описывает этот процесс: «...до 1640 г. формой правления в Англии была абсолютная монархия, в которой король правил при помощи своего совета, и иногда, в том случае если созывал его, своего парламента; после 1688 г. формой правления стала конституционная монархия, в которой парламента собирался постоянно и был высшим органом, хотя король и его советники сохраняли, с согласия парламента, существенную власть» [2, р. 207].

Таким образом, некоторая часть современных исследователей, модифицируя концепции традиционной вигской историографии, до настоящего времени отчасти разделяет мнение о том, что после 1688 г. в Англии произошел переход от абсолютной к конституционной монархии. При этом указывается, что в результате Славной революции 1688 г. поздним Стюартам пришлось делегировать свои полномочия министрам, которых избирал парламента. Отсюда следовал весьма спорный, на наш взгляд, вывод о том, что решения короля были подконтрольны им. Этим Англия якобы дистанцировалась от «абсолютистской» Европы, став одним из немногих государств, где репрезентативные органы управляли страной [3, р. 37]. В XVIII в. правление в стране, по мнению Т. Маколея, было парламентамским. Со времен Славной революции парламента «назначал и смещал министров, объявлял войну и заключал мирные договоры» [4, р. 323].

Однако довольно скептическое отношение к концепту английского абсолютизма, характерное для современной английской и отечественной историографии, породило и более взвешенный подход к оценке сроков и форм становления институтов конституционной монархии в Великобритании. Особого внимания в этом отношении заслуживает проблема перехода от абсолютной монархии к конституционной. Современные британские исследователи убеждены, что оба термина не отражают всей специфики британской ограниченной монархии. Поэтому на первые позиции в исследовательской повестке выдвинулся вопрос о том, переходом от какой формы правления к какой стал «долгий XVIII век». Также был по-иному осмыслен ряд проблем, связанных с оценкой места и роли традиционных политических институтов и практик, характерных для «старого порядка», в этом процессе.

Проблема английского абсолютизма – это отдельный и вполне самостоятельный исследовательский сюжет, который не является предметом настоящей работы. Однако для верного понимания характера и направленности трансформации политических институтов, институтов участия и политических практик Великобритании «долгого XVIII в.» необходимы несколько принципиальных для понимания специфики английской ограниченной монархии замечаний. По мнению большинства современных британских историков, к политическому и государственному устройству Англии XVII в. с трудом приложим термин «абсолютизм». Однако этот же термин оказался вполне пригоден в области политической теории и общественной мысли. Три десятилетия назад Дж. Дейли обратил внимание на то, что термин «абсолютизм» был неизвестен вплоть до начала 1820-х гг., тогда как прилагательное «абсолютный» достаточно часто вписывалось в правовые, политические и религиозные произведения, а также звучало в парламентамских речах, не встречая неприятия со стороны аудитории. Он же заметил, что само понимание термина «абсолютный» (*absolute*) отличалось от современного. Оно ни в коем случае не противоречило идее ограниченности власти и прерогативы, поскольку англичане привыкли считать, что их короли достаточно существенным образом ограничены в одних сферах, но неограниченны и абсолютны в других. Термин *absolute* понимался в Англии XVII в. как «совершенный» (*complete*), «определенный» (*certain*) и «безупречный» (*faultless*). Только после событий 1688 г. термин *absolute* окончательно приобрел негативный смысл применительно к характеристике определенного политического режима и стал аналогом понятию «произвольный» (*arbitrary*) [5, р. 227–250]. Если прерогативные

полномочия английской короны практически единодушно описываются в современной историографии как весьма ограниченные, то вопрос о том, не было ли у отдельных английских монархов намерения эти ограничения преодолеть, остается достаточно дискуссионным [6, р. 343–373].

Таким образом, в современной историографии традиционная оценка характера и направленности трансформации политических институтов в ходе событий Славной революции 1688 г. как перехода от абсолютной монархии к конституционной рассматривается как некоторое упрощение. Возможно, такое упрощение допустимо, если оно используется в качестве объяснительной модели, однако при детальном рассмотрении очевидно, что многие важные особенности процесса либо вовсе игнорируются, либо помещаются в контекст, искажающий их содержание.

Конституционная монархия как форма правления и разновидность политического режима предполагает наличие самостоятельного и постоянно действующего законодательного органа. Английский парламент не стал таковым после 1688 г. уже потому, что его законодательные полномочия были весьма ограничены и могли осуществляться только в рамках ординарной королевской прерогативы. Утверждать, что с конца XVII в. политическая власть принадлежала исключительно парламенту, нельзя. Такое утверждение означает игнорирование тех прерогативных полномочий, которыми обладала английская корона и после 1688 г. Единственным серьезным их ограничением стало то, что Вильгельм III и Мария II, как следует из текста их коронационной присяги, стали монархами не по божественному праву, а исключительно по выбору лордов и общин. Но это ограничение, сколь бы важным оно ни представлялось в современной историографии, затрагивало прерогативу по божественному праву, оставляя нетронутой ординарную прерогативу [7].

Издание законодательных актов, всегда рассматриваемое в английской политической практике в качестве экстраординарной меры, направленной на немедленное искоренение или предотвращение несправедливости и неудобств, неустранимых в рамках общего права, обеспечивало парламенту уникальную политическую роль. Не будет преувеличением утверждать, что британское государственное устройство «укоренено» в общем праве в том смысле, что его фундаментальный принцип господства права (*rule of law*) сам по себе служит формой конституции. В этом отношении английская монархия начала XVII в. была конституционной в той же степени, как и ее наследница после 1688 г. Очевидно, что применение термина «конституционная монархия» в его современном понимании приводит к неверному пониманию смысла тех перемен, которые произошли в политической системе страны в результате событий Славной революции [8, р. 4–9].

Изменения, внесенные в английскую конституционную систему «Биллем о правах» 1689 г., не представляются столь уж значительными, как это некогда казалось представителям классической вигской историографии. Этот акт лишь зафиксировал в виде статута те формальные ограничения королевской прерогативы, которые были фиксированы в общем праве и ранее. Сама королевская прерогатива оказалась фактически нетронутой. Король по-прежнему объявлял войну (именно так он поступил в мае 1689 г., просто уведомив парламент об объявлении войны Франции) и заключал мир. Королю не дозволялось иметь армию в мирное время, но никто не лишал его контроля за самой армией. По-прежнему главной опорой политической власти была королевская милость, которая для Галифакса и Сандерленда имела такое же значение, что и для Сесила и канцлера Кромвеля за столетия до этого. Король был ограничен в возможностях иметь независимые от парламента доходы или мог не иметь их вовсе, но средства, находящиеся в его распоряжении, мог тратить по собственному усмотрению. Ключевые вопросы политической повестки могли быть предметом дискуссии в стенах парламента, но это не значит, что решающее слово оставалось за ним. Парламентской монархией обычно именуется форма правления, при которой король не имел возможности назначать своих министров сам, а контроль за надлежащим исполнением ими своих обязанностей лежал на парламенте. Очевидно, что, вопреки утверждениям Т. Маколея и его последователей, такая политическая система в ходе Славной революции 1688 г. установлена не была [9, р. 139].

Таким образом, анализ ключевых конституционных документов, принятых в результате Славной революции 1688 г., приводит к заключению, что главным политическим итогом перемен стало правовое закрепление политического режима, наиболее точно характеризуемого как ограниченная монархия. В современной историографии признается, что монархия первых Стюартов также была ограниченной, поскольку главным проводником ординарной королевской прерогативы являлся парламент. В остальном эта монархия была абсолютной (насколько этот термин вообще применим к истории институтов английской монархии) в том отношении, что базировалась на божественном праве.

Монархия Вильгельма III и Марии II имела иную юридическую природу, поскольку совершенно другими оказались формы ограничения королевской власти. Источником легитимности английской короны после 1688 г. впервые в конституционной истории страны стал парламентский акт, оформленный в виде статута. Экстраординарная прерогатива поздних Стюартов оказалась ограниченной статутным правом так же, как ординарная прерогатива их ранних предшественников

ограничивалась парламентом. Это, однако, не означает, что данная prerogative исчезла полностью. Британские монархи на протяжении «долгого XVIII в.» сохраняли титул защитников веры, и религиозные вопросы занимали важное место в политической повестке вплоть до первой трети XIX в. Ординарная королевская prerogative, проводником которой являлся парламент, оказалась фиксированной в своих границах там, где она затрагивала права и свободы подданных английской короны. Эта перемена также была осуществлена парламентом при помощи статутного права.

Исходя из сказанного выше, вполне обоснованным видится предположение о том, что в результате событий 1688 г. возникла не конституционная монархия современного типа, и не «парламентская монархия», как это некогда представляли себе историки традиционного вигского направления, но лишь новая форма ограниченной монархии. Ее характерной особенностью стал комплексный характер ограничения королевской prerogative. Ординарная составляющая ординарной prerogative. В этом отношении Славная революция 1688 г. если и внесла нечто новое в традиционную конституционную конструкцию английской монархии, то лишь в том смысле, что была ограничена возможность монарха использовать ординарную prerogative вопреки смыслу общего права. Что же касается эволюции политического режима Великобритании на протяжении «долгого XVIII в.», то вполне резонно предположить, что «конституционная революция» конца первой трети XIX в. завершила процесс трансформации prerogative ограничений, характерных для монархии поздних Стюартов, в конституционные механизмы современного типа, связанные с принципиально возросшей ролью парламента и постепенным переходом большинства prerogative полномочий короны в руки кабинета министров.

Ссылки:

1. Айзенштат М.П. Британия Нового времени. Политическая история : учеб. пособие. М., 2007. 204 с.
2. Berman H.J. Law and Revolution, II. The Impact of the Protestant Reformations on the Western Law Tradition. Cambridge (Mass.), 2006. 544 p.
3. Doyle W. The Old European Order, 1660–1800. Oxford (UK) ; N. Y., 1978. 420 p.
4. Macaulay T.B. Critical and Historical Essays. Oxford, 1907.
5. Daily J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // Historical Journal. 1978. Vol. XXI, no. 2. P. 227–250.
6. Elton G. The Parliament of England 1559–1571. N. Y., 1986. 399 p.
7. Sommerville J.P. Absolutism and Royalism // The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700 / ed. by J.H. Burns with the assistance of M. Goldie. Cambridge (UK), 1991. P. 345–373. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521247160.014>.
8. Law, Liberty and Justice. The Legal Foundations of British Constitutionalism / ed. by T.R.S. Allen. N. Y., 1994. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198259916.001.0001>.
9. Speck W.A. Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688. Oxford (UK) ; N. Y., 1988. 267 p.